

Брат Цун ничего не мог сделать, оставалось только его последнее упрямство.

Поэтому он упрямо отвернул голову в сторону, избегая зрительного контакта и выражая решимость перед лицом смерти.

Недалеко от кровати стоял стол, на котором ещё горела свеча. Брат Цун чувствовал себя этой свечой, оставляя красные слёзы героя, освещая себя — а вокруг была чёрная тьма.

Он некоторое время смотрел на пламя свечи, пока А-Да продолжал нежно гладить его волосы.

Он хотел знать, как древние герои умудрялись покончить с собой, кусая язык, но не мог понять, как это сделать. Как нельзя помочиться, не сняв штаны, или не присев, чтобы справить нужду, так и он не мог задушить себя, сжимая горло, поэтому он не мог укунить язык.

Он перевёл взгляд на окно за свечой.

Окна здесь, казалось, всегда были грязными. Стекло было покрыто слоем бумаги. Украшения на окнах клеили и срывали каждый год, делая стекло мутным, как пар на стёклах зимой в его родных краях.

Вдруг он увидел, как за окном мелькнула чья-то голова.

Его сердце сжалось, и он прищурился.

Когда их взгляды встретились, в его душе смешались радость и горе, словно в его сердце перевернулся сосуд с разными чувствами.

Он увидел А-Яня.

А-Янь был жив, его лицо было покрыто ранами и опухольями. Его, казалось, кто-то толкал, проходя мимо двери, но он не удержался и заглянул в комнату.

По взгляду А-Яня, в котором смешивались жалость и уважение, брат Цун понял, что тот знал, что должно произойти этой ночью.

Сейчас брат Цун был как ребёнок из соседнего дома, который героически встал на пути опасности, пожертвовав собой, чтобы спасти их обоих. Позже он бы курил, хрипло говорил и с глубоким смыслом сказал бы маленькому А-Яню: «Пока есть жизнь, есть и надежда».

Но никто не знал, что эта жертва не была выбором брата Цуна.

Ему было горько, но он не мог сказать об этом.

А-Да перестал гладить его волосы, вероятно, собираясь вытащить нож. Его руки лежали по обе стороны головы брата Цуна, и, опираясь на кровать и приближаясь, можно было увидеть, как двигаются его красивые и мощные мышцы.

Брат Цун снова попытался пошевелиться, но А-Да, как тигр, чувствующий запах роз, всё ещё держал его ногу коленом, и он не мог двигаться.

Брат Цун закрыл глаза.

Конечно, он не собирался сдаваться. Хотя его руки были скованы, А-Да не держал его.

Он мог сопротивляться. Он должен был расслабить бдительность врага, приняв позу жертвы, а затем внезапно поднять руку и ударить мужчину по голове...

Но А-Да был быстр. Прежде чем рука опустилась, он ловко схватил её.

Конец.

Брат Цун сглотнул, не решаясь открыть глаза.

Его спина внезапно покрылась потом. Он надеялся, что А-Да поймёт, что иногда животные дёргаются, это рефлекторное движение мышц, не контролируемое мозгом, это случайность, это...

— Не пытайся напасть на меня, — сказал А-Да, сжимая руку брата Цуна так, что кости затрещали. — Если будешь слушаться, останешься в живых.

Брат Цун понял, что человек должен держаться до последнего, и, возможно, путь к смерти превратится в путь к жизни.

Это был урок, который он усвоил после той ночи. Сейчас он всё ещё сидел в комнате, но дверь была открыта, и он мог видеть, что происходит снаружи.

Снаружи стояла бочка с водой, рядом с которой росли несколько деревьев. Утренний ветерок шелестел листьями, и несколько из них падали на поверхность воды, создавая лёгкую рябь.

Брат Цун курил третью самокрутку, оставленную А-Да. Табак был крепким и едким, без фильтра, и он чувствовал себя так, будто съел горчицу.

На его лодыжке всё ещё была цепь, другой конец которой был прикован к кровати. На нём была меховая накидка А-Да, и хотя под ней ничего не было, ему стало немного теплее.

Он сидел так некоторое время, размышляя, когда у двери раздался звук цепи, и кто-то осторожно заглянул внутрь.

Брат Цун хмыкнул, не обращая на него внимания.

Человек немного поколебался, а затем крадучись вошёл.

Это был А-Янь. Опухоль на его лице немного спала, а выражение было печальным и тревожным. В руках он держал два яйца и маленькую коробочку.

На ногах А-Яня тоже были кандалы, но, похоже, он не был прикован к одной комнате. Вероятно, его хрупкое телосложение завоевало доверие людей Кушань, и все считали, что этот тощий парень не сможет устроить серьёзных проблем.

Войдя в комнату, он сразу же подбежал к брату Цуну, сел на стул и поставил яйца на стол. Затем он подвинул коробочку вперёд. Увидев, как брат Цун мрачно курит, он долго собирался с духом, прежде чем робко спросить:

— Цун... Цун-гэ... Ты... ты в порядке?

— Да, жив, — брат Цун затушил сигарету и закурил новую. — Рад?

А-Янь улыбнулся, сказав:

— Да, конечно, рад.

Но, увидев, что брат Цун не улыбается, поспешил убрать улыбку.

Он потёр пальцы и указал на яйца:

— Может... съешь яйцо?

Брат Цун раздражённо ответил:

— Съем яйца, чёрт возьми!

А-Янь вздрогнул и с удивлением спросил:

— Ты... ты правда съел?!

Брат Цун на мгновение замер, но не ответил.

Он не мог понять, почему А-Янь, который был моложе, тоньше, бледнее и покладистее, избежал участи, а его задница оказалась под угрозой вторжения.

А-Янь смутился, постучал яйцом по столу, чтобы оно не катилось, и указал на коробочку:

— Тогда... может, намажешь мазь?

— Какую мазь? — брат Цун взглянул на коробочку, аккуратно упакованную, но не знал, что внутри.

— Ну... — А-Янь сглотнул, быстро взглянул на брата Цуна и, заикаясь, сказал:

— Эту... для лечения трещин и кровотечений...

Брат Цун снова хмыкнул.

Да, он вспомнил. Вчера его задница должна была болеть. Это было то, что его двоюродный брат, спасший его и предавший его задницу, и этот маленький секретарь, спасенный его задницей, уже приняли как факт. Поэтому после всего они, конечно, должны были позаботиться, чтобы, даже если не могли успокоить его душевную боль, хотя бы вылечить физическую.

Но к удивлению А-Яня — и, конечно, к удивлению брата Цуна, и даже к удивлению А-Да, готового к действиям, — вчера ничего не произошло.

— Почему у меня должна болеть задница? — нарочито спросил брат Цун.

А-Янь растерялся. Этот ответ выходил за пределы его понимания. Он посмотрел на мазь, затем на брата Цуна и спросил:

— Разве ты можешь не чувствовать боли?

— Я ничего не сделал, — ответил брат Цун, глубоко вздохнув и уверенно сказал:

— Ты действительно думаешь, что я добровольно подчинился?

А-Янь снова замер, и через мгновение его удивление сменилось глубоким уважением.

Брат Цун даже мог представить, как его образ из беспомощного заложника мгновенно превратился в бесстрашного воина, готового умереть, но не сдаться.

Рука, держащая сигарету, слегка дрожала. Эта хвастливая речь была слишком большой, и он чувствовал себя немного виноватым.

На самом деле вчерашняя неудача была не только результатом его сопротивления, но и удачного стечения обстоятельств.

Тогда А-Да только что сжал его руку, произнёс угрозу и собирался перевернуть брата Цуна, когда вдруг в дверь постучали.

Стук был частым, и снаружи кто-то кричал на местном диалекте.

А-Да сразу отпустил его, накинул меховую накидку и открыл дверь. Вошедший был человеком, которого брат Цун видел на банкете, сидевшим рядом с А-Да, в плаще и постоянно пившим.

Его лицо было в крови и грязи, и он быстро и взволнованно что-то объяснял А-Да.

Брат Цун пытался разобрать слова, но смог уловить только что-то вроде «напился», «заблудился», «не предупредили», «дважды выстрелили».

Лицо А-Да изменилось, он оттолкнул человека, повернулся, приковал цепь брата Цуна к кровати, схватил изогнутую саблю со стола, поправил меховую накидку и, не сказав брату Цуну ни слова, ушёл вместе с тем человеком.

Брат Цун был в недоумении, но предположил, что что-то случилось в их лагере. Он так и лежал, глядя на потолок, пока небо не начало светлеть.

<http://bllate.org/book/16300/1470087>